

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМЕНА

А.З. Черняк

Статья посвящена одному из аспектов проблемы исторического объяснения, а именно исследованию вклада значений исторических имен в историческое объяснение. Важным условием объяснения является релевантность объясняющего объясняемому. Она определяется соответствием объяснения вопросу, на который оно отвечает, или теме, которой оно посвящено. Исторические объяснения, как правило, используют имена исторических деятелей, событий, мест и т.п. Как следствие, релевантность такого объяснения зависит от совпадения значений (референций) этих имен со значениями аналогичных терминов, с помощью которых сформулировано объясняемое (в вопросе или иным образом). В статье рассматриваются две основные теории референций собственных имен — дескриптивная и историческая — и делается вывод о том, что полное совпадение референций исторических имен, участвующих в описании объясняемого и объясняющего, соответственно, не достижимо в обычных условиях. Таким образом, невозможно и полное выполнение условия релевантности исторического объяснения.

Ключевые слова: объяснение в истории, референция, историческое имя, тема, релевантность, дескрипция, история термина, прагматика.

1. ПРОБЛЕМА ОБЪЯСНЕНИЯ В ИСТОРИИ

Объясняет ли что-то история? Это — традиционный вопрос философии истории. Есть разные точки зрения на историю, некоторые из них которых не находят в истории места для научного объяснения и даже не ассоциируют с ней задачи объяснения (1). Но историческое произведение может выполнять какие-то функции, помимо объяснения, и при этом содержать объяснение. Во всяком случае, как признанные исторические произведения, так и рассказы обычных людей о прошлом, достаточно часто содержат указания на одни прошлые события или изменения как на причины или основания других событий и изменений (2). И часто такие указания отвечают стандартным ожиданиям обычных слушателей или читателей, связанным с функцией объяснения.

Вопрос о сущности исторического объяснения широко обсуждался в философии. Должно оно быть таким же, как объяснение в естественных науках, должно ли оно включать ссылку на хотя бы одну общую гипотезу, должно ли объясняемое с необходимостью следовать из объяснения? (3) Также нет единого мнения по вопросу о том, что объясняет история (4). Но, по крайней мере, часто исто-

рии содержат информацию, с помощью которой можно ответить на вопросы, почему, как или зачем произошли те или иные события или последовательности событий, или случились некие изменения в состояниях неких объектов (5). Можно предположить, что если такие истории что-то объясняют, то это — описываемые соответствующим образом события, процессы или изменения.

Часто в таких объяснениях содержатся указания на действия или мотивы конкретных людей, определенные места, уникальные события или другие объекты, отличающиеся от им подобных какими-то индивидуальными характеристиками. Для указания на такие индивидуальные сущности используются особые выражения — единичные термины; и в роли таких терминов в исторических повествованиях часто выступают собственные имена людей, мест, событий и т.п.

Некоторые разговоры о прошлом могут обойтись без использования собственных имен: если они посвящены непосредственному прошлому участников разговора. Например, разговор может состоять из следующего обмена фразами: «Зачем он это сделал?», «Осерчал».

Как на действующего субъекта, так и на результат его действия здесь указано с помощью демонстративных выражений, но всем участникам обсуждения может быть понятно, о ком и о чем идет речь. Однако даже если считать такие дискурсы историческими (а почему бы и нет?), большинство других, где речь не идет о непосредственно только что случившемся, будут непонятными, если их словарь единичных терминов ограничен демонстративами. И известные исторические произведения используют собственные имена.

В задачу этой статьи не входит ответ на вопрос о сущности исторического объяснения. Я принимаю как данность, что привычным и нормальным является такое восприятие обычных исторических повествований, при котором они вносят вклад в объяснение хотя бы чего-то из того, что они описывают. Я не стану спорить с тем, что истории могут не содержать объяснений в каком-то строгом смысле научного объяснения. Но я полагаю, что есть определенные эпистемические ожидания, удовлетворение которых можно считать объяснением в более широком смысле, и исторические повествования часто им удовлетворяют. Главный вопрос, который я хотел бы здесь рассмотреть, касается вклада в исторические объяснения значений исторических имен — единичных выражений, используемых в исторических повествованиях для обозначения участников или компонентов объясняющих положений дел.

2. ПРАГМАТИКА ОБЪЯСНЕНИЯ

2.1. Объяснение как действие

Об объяснении можно говорить как минимум в двух смыслах: формальном и практическом. В формальном смысле с объяснением отождествляют аргумент определенного типа — например, дедуктивный вывод, хотя бы одна из посылок которого описывает закон природы или хорошо верифицированную эмпирическую гипотезу (6). Такое понимание в основном ассоциировано с философской концепцией научного объяснения (7). Но выбор какой-то формальной модели, обобщаю-

щей опыт одной сферы познания, как парадигмы для других познавательных дисциплин, вызывает вопросы. В частности, было замечено, что люди, не знающие соответствующих законов, часто высказывают то, что другие люди воспринимают как объяснения явлений, строгое дедуктивно-номологическое объяснение которых требует ссылок на эти законы [7]. Нечто подобное демонстрируют и исторические повествования: они редко эксплицитно ссылаются на общие законы для объяснения описываемых явлений, а если используют обобщения, то куда менее сильные, чем законы природы (8); чтобы трактовать их как объяснения в строгом смысле, продиктованном моделью, им надо приписывать имплицитные содержания, которые могут не соответствовать убеждениям их авторов. Можно не считать такие случаи объяснениями на том основании, что они не отвечают выбранной модели, но если это — единственное основание, такой отказ будет явно продиктован философским предубеждением.

В практическом смысле объяснением может считаться сообщение, которое отвечает определенным ожиданиям участников коммуникации, в рамках которой оно произведено или используется. Объяснению в практическом смысле может не соответствовать какая-то определенная форма вывода (9).

Прежде всего, от объяснений ожидают удовлетворения познавательного интереса: объяснение обычно отвечает на вопрос, и, если успешно, добавляет тому, кто его принимает, новую информацию о предмете его интереса к той, что у него уже имеется. Но описания и указания тоже отвечают на вопросы: что отличает от них объяснение? Вероятно, специфический вклад объяснения в систему убеждений и практических установок того, кто его принимает. Описание наделяет то, о чем идет речь, характеристиками, в некоторых случаях выполняя функцию определения предмета, в других — добавляя ему новые детали (10). Успех описания в основном зависит от того, как оно согласуется с миром, в который встраивается описываемый предмет, или, иначе — моделью. Указание выделяет предмет из окружающей реальности, и его успех обычно зависит от существования этого предмета. От объяснения же, как правило, требуется, чтобы оно связывало между собой разные предметы или их части. Таким образом, ответ не может ничего объяснять, если дискурс, в рамках которого он дается, не подразумевает минимум два предмета или две части одного предмета.

Есть ощущение, что с объяснением связаны определенные языковые формы ответов. Например, если кто-то спрашивает «Что ты видишь?» и слышит фразу

1. *Белый снег,*

ее можно трактовать как описание или указание (11), и в любой из этих ролей она может отвечать на заданный вопрос. Если затем субъект спрашивает «Почему он белый?» и слышит

2. *Потому что чистый,*

он может получить ответ на свой вопрос при определенном прочтении высказывания (12). По сравнению с высказыванием 1 высказывание 2 не выглядит ни описанием, ни указанием вследствие использования специфического выражения «потому что», которому обычно приписывается значение указания на связь между тем, что сообщает идущая следом за ним часть высказывания, и тем, о чем

шла речь в предшествующем разговоре (в данном случае вопросе). Можно ли считать использование таких специальных выражений или их появление в ответ на вопросы, начинающиеся с других специальных выражений: например, «почему», — признаком объяснения?

Действительно, определенные выражения создают, так сказать, ожидания объяснения, поскольку они часто встречаются в признанных образцах объяснений (13). Но не всегда форма ответа на вопрос показывает, какую эпистемическую роль он играет. Например, вместо 2 можно на тот же вопрос получить ответ «Он чистый» или просто «Чистый».

Без «потому что» такие высказывания не выглядят непосредственно отвечающими на поставленный вопрос — они вполне могут быть реакцией на какую-то другую реплику, а также на перцепцию или воспоминание говорящего. Но с другой стороны, 1 тоже можно понимать как сообщение, что описываемое положение дел связано с другим, не описываемым положением дел, а именно, что есть нечто, что автор ответа видит, или что то, что автор видит, удовлетворяет данному описанию. Так же, как можно перефразировать 2 как «Снег белый, потому что он чистый», 1 можно перефразировать, например, как «То, что я вижу, есть белый снег». Вероятно, можно трактовать 1 как объяснение, но интерес, выраженный в вопросе, к которому оно относится, вполне может быть удовлетворен просто описанием или указанием. Между тем если высказывание «Чистый» воспринимать только как описание, оно не будет отвечать на вопрос, инициировавший его появление.

Жена может спросить мужа

3. *Ты опять не принес зарплату?*

и услышать в ответ

4. *Сейчас на работе тяжелое время;*

с одной стороны, 4 выглядит как описание положения дел на работе, но, с другой стороны, оно может дать жене понять причину, по которой муж не принес зарплату. Очевидно, если воспринимать это высказывание только как описание, оно не будет отвечать на заданный вопрос; оно будет на него отвечать только в качестве объяснения, а именно: если читается как сообщение о связи между событием, описанным в 3, и положением дел, описанным в 4. В этой роли 4 можно переформулировать как высказывание с конструкцией «потому что», а 3 — как подразумевающее вопрос с использованием выражения «почему». Но это еще не значит, что 4 дает объяснение в ответ на 3 именно вследствие выполнимости такого парафраза. Представим себе, что вместо 3 жена спрашивает

5. *Как ты смел опять не принести зарплату?;*

несмотря на то, что в 5 уже не вставить «почему» без изменения его содержания (14), а добавление «потому что» в 4 делает его грамматически хуже согласующимся с вопросом, похоже, что 4 будет так же отвечать на вопрос 5, как и на вопрос 3. Он будет ответом на поставленный вопрос в том смысле, в каком этот вопрос подразумевает в качестве своего основного содержания — предмета интереса — событие, описываемое вопросом 3: 4 не объясняет, как муж посмел не принести зарплату, но по-прежнему объясняет, почему он не принес зарплату.

Таким образом, является ли высказывание объяснением в практическом смысле или нет, видно лишь при его соотнесении с вопросом, а именно: с такой его интерпретацией, которая позволяет понять, какого рода информацию должен предоставить ответ на него (15). Из вопроса 5, как он поставлен, не ясно, что конкретно должен сообщать ответ: информацию о психическом состоянии отвечающего, информацию о причинах несовершения им определенного действия или то и другое вместе. Соответственно, не ясно, может ли ответ ограничиться только описанием или указанием, или должен предоставлять объяснение. Это может быть ясно, если вопрос можно уточнить, исходя из контекста. Высказывание при этом может отвечать не столько на вопрос, как он фактически поставлен (например, под влиянием эмоций), сколько на то, что его постановка подразумевает в соответствующем контексте (например, с точки зрения задающего вопрос или с точки зрения отвечающего на него).

Здесь мы не будем пытаться описывать все черты, предположительно характеризующие прагматически адекватное объяснение, остановимся лишь на некоторых аспектах этого феномена.

2.2. Релевантность и тривиальность

Высказывание может отвечать на поставленный вопрос, но быть тривиальным. Ответ

6. *Потому что так устроена жизнь*

на вопрос

7. *Почему люди умирают?*

мог бы удовлетворить маленького ребенка, поскольку у него нет вообще никакой информации по интересующему его вопросу, но вряд ли удовлетворит интерес взрослого человека, так как он уже, как правило, признает какую-то связь между человеческой смертностью и широко понятым устройством жизни (16), и его интересует, как так устроен мир, что люди умирают. Относительно взрослого получателя 6 — тривиальный ответ на вопрос 7. Таким образом, нетривиальность объяснения также зависит от прочтения вопроса, и, соответственно, от контекста.

Но иногда человеку нужно подтверждение своей точки зрения; например, он может спросить «Действительно Земля круглая?» и узнать из ответа

8. *Земля действительно круглая,*

не сообщаящего ему новой информации о форме Земли, нечто новое, а именно: что его собственная точка зрения поддержана другим человеком. Если для субъекта автор ответа авторитетен, приняв этот ответ, он может укрепить свою веру в круглость Земли. Этот ответ показывает связь между предметом убеждения или сомнения спрашивающего и, как минимум, убеждениями отвечающего. Не обязательно считать такой ответ объяснением, можно выделить его в отдельную категорию свидетельства или подтверждения; в конце концов, его можно заменить высказыванием «Да», которое можно интерпретировать как просто знак согласия, не несущий никакого дескриптивного содержания. Но можно трактовать 8 как сообщение о другом факте, нежели тот, который представлен в во-

просе: например, «действительно» в вопросе может читаться как указание на отношение субъекта, тогда как появление этого выражения в ответе может отсылать к объективному положению дел. Тогда фактически на вопрос о том, считает ли субъект, что Земля круглая, он отвечает, что Земля на самом деле, независимо от мнений, круглая. В этом случае 8 нельзя заменить на знак согласия. Но его все же трудно считать объяснением, если спрашивающий не может понять из него, какой именно новый факт оно ему представляет.

Хотя высказывание может не отвечать на поставленный вопрос, оно должно соответствовать, так сказать, его теме — тому, что подразумевает его постановка. Таким образом, объяснение должно быть, как минимум релевантным. Если на вопрос «Почему Земля вертится?» следует «ответ» «Потому что он красный», это условие не будет выполняться.

Но представим себе, что некто предлагает такой аргумент в ответ на вопрос «Почему погиб Сократ?»: «Сократ человек, поэтому он смертен». Уместно предположить, что спрашивающего интересовало не совсем то, что сообщается в ответе: его интересовало, какие исторические события привели к гибели Сократа, а ему говорят, почему гибель Сократа стала в принципе возможной. В определенном смысле такой ответ релевантен интересу спрашивающего, так как он сообщает что-то о причине гибели Сократа. Но говорящий, скорее всего, не получит из него новой информации о том, что его интересует: такой ответ будет для него тривиальным.

Следует ли оценивать релевантность ответа относительно вопроса, как он фактически задан или относительно тому, что он подразумевает с точки зрения некоего рационального интерпретатора?

Вопрос может быть задан некорректно в том смысле, что не выражает подлинного интереса спрашивающего. Так, задавая вопрос «Почему Петя меня стукнул?», Вася может быть настолько зол на Петю, что не допускает даже мысли, что произошедшее не было сознательным действием Пети. Ответ «Петя тебя не бил, а случайно задел» может Васю не устроить, потому что он не содержит информацию о Петиних мотивах и противоречит тому, что предполагает заданный вопрос. Тем не менее, этот ответ будет содержать информацию, позволяющую Васе понять, что произошло между Петей и Васей. В рассмотренной ситуации Вася исключил возможность того, что Петя не специально его стукнул, под воздействием эмоций, но успокоившись, он способен оценить информативность предложенного ему ответа, и понять, между прочим, что предмет его интереса шире того, который подразумевает поставленный им вопрос. С учетом этого уместно оценивать ответ по его релевантности или наиболее корректной постановке вопроса или теме дискурса.

Но если пойти этим путем, то спрашивается позиция какого, фактического или предполагаемого, участника коммуникации должна реализовывать точку зрения рационального интерпретатора? Кроме того, дискурс не всегда включает вопрос, на который он отвечает, и никакой определенный вопрос может ему непосредственно не предшествовать. Тогда практически для любого непротиворе-

чивого дискурса можно найти вопрос, на который он будет хорошо отвечать. Кто должен определять тему дискурса?

Коль скоро вклад дискурса в объяснение оценивается в контексте, если вопрос эксплицитно не задан или допускает альтернативные прочтения, уместно предположить, что тему дискурса определяет контекст. Но чем задается контекст для дискурса, который не является очевидной частью какого-то другого дискурса? Очевидное решение — выбрать определенные обстоятельства (например, место, время и агента) и оценивать дискурс в этих обстоятельствах. Агентом может быть автор дискурса (17), его коммуникатор, его адресат или фактический получатель, а также, вероятно, наблюдатель, который сам не принимает его как ответ на какой-то свой вопрос, но оценивает его как ответ на вопрос кого-то другого. Но обычно нам важно, что дискурс может объяснить некоему абстрактному рациональному субъекту или субъекту определенного вида, а не только — что он может объяснить какому-то конкретному агенту.

Другой способ определения темы дискурса — вывести вопросы, на которые он отвечает из него самого (18). Например, из высказывания «Цезарь перешел Рубикон, потому что следовал примеру Суллы» видно, что оно может отвечать на вопрос о причине, мотиве или цели (19) перехода Цезарем Рубикона.

Хотя сам вопрос может быть по-разному поставлен, ясно, что является его предметом или темой.

Таким образом, конечно, мы узнаем в лучшем случае, на какой вопрос *может* ответить дискурс. Но часто этого достаточно для оценки его объяснительной силы: а именно, если вопрос, на который он может ответить, относится к числу часто задаваемых, или если его тема является общезначимой. Иногда, разумеется, важно то, что объясняет дискурс в ответ на строго определенный вопрос, независимо от того, насколько он отражен в теме, выводимой из анализа самого дискурса. Однако требование релевантности сохраняет свое значение не только в этом случае: как бы ни была определена тема, дискурс в целом и, особенно, его объясняющая часть, должны ей соответствовать. Так, один из вопросов, на которые может отвечать

9. Маяковский застрелился из револьвера, заряженного одной пулей. Он не хотел себя убивать,

вычитывается из самого этого повествования — «Как Маяковский погиб?»; но если второе предложение в этом повествовании представляет собой его существенную часть, то *9* в целом не выглядит непротиворечивым или, во всяком случае, достаточно информативным ответом на данный вопрос. Если Маяковский застрелился, то он сделал это по своей воле, тогда в каком смысле он не хотел себя убивать? Если он сделал это не по своей воле, в каком смысле он застрелился?

Конечно, это — не то значение релевантности, которое делает дискурс не связанным с вопросом, не отвечающим на него; здесь обнаруживается, скорее — вопрос степени, определяемый возможностью трактовать дискурс как одновременно непротиворечивый и информативный ответ на соответствующий вопрос.

2.3. Понимание и соответствие референций

Чтобы что-то объяснять, высказывание должно быть понятно. В минимальном смысле понятность высказывания состоит в наличии у него значения для получателя. Но высказывание может иметь значение, например, в том смысле, что воспринимается как сигнал какого-то психофизического состояния. Для понимания действия как высказывания необходимо, чтобы получатель воспринимал его как сообщение какой-то мысли или пропозиции. Успех понимания зависит от правильности интерпретации: важно, чтобы получатель вывел из высказывания ту самую мысль, которую оно сообщает. В первую очередь это обеспечивается конвенциональным использованием языка автором высказывания и знанием данного языка его получателем. Но часто также важно знать контекст, в котором дискурс произведен или используется для объяснения. Кроме того, для понимания объяснения критически важно, чтобы объясняющее содержание, приписываемое получателем дискурсу, соответствовало содержанию объяснения, сообщаемому этим дискурсом (20).

Но что сообщает высказывание: мысль, вложенную в него автором, или пропозицию, выражаемую использованным в нем предложением, или — то и другое в определенной пропорции (тогда какой)? По этому вопросу в философии языка нет единого мнения (21). Пусть на вопрос «Кто убил Цезаря?» получен ответ

10. Брут.

Получатель поймет его, только если имеет какое-то представление о том, кто такой Брут. Но если он имеет такое представление, он приписывает Бруту существование (хотя бы в каком-то мире). В этом случае даже столь краткий ответ, как *10*, может связывать убийство Цезаря с хотя бы одним фактом: фактом существования Брута (в мире Цезаря), — и, таким образом, объяснять, кто убил Цезаря. Но представление автора *10* о Бруте (например, что это друг Кассия и убийца Цезаря) может не позволять ему выделить с его помощью конкретного человека и указывать только на него, используя слово «Брут». Тогда, говоря о Бруте на основании такого представления, он, даже не желая того, будет говорить о любом друге Кассия, убившем Цезаря. *10* тогда будет сообщать, к какому множеству принадлежит убийца Цезаря, но не факт, кто из этого множества тот самый человек. Получателю этого может быть достаточно знать, кто убил Цезаря, и он может быть удовлетворен такой информацией. Кроме того, неоднозначность авторской референции исторического имени не будет иметь существенного влияния на информативность ответа, если последняя больше зависит от собственной интерпретации получателем данного использования имени, чем от значения, приписываемого ему с точки зрения автора ответа. Но если интерпретатор связывает данное имя с единственным индивидом как его референтом, такое понимание ответа будет в определенном смысле неправильным, поскольку оно приписывает высказыванию не то содержание, которое оно сообщает (22). С другой стороны, такое понимание будет в некотором смысле верным, если автор *10* пытался указать с его помощью на конкретного человека и просто был не в состоянии выполнить это намерение.

Можно говорить, как минимум, о двух видах правильного понимания референций: одно предусматривает для приписываемой интерпретатором референции термина ее соответствие той референции, с которой он фактически использован, другое — соответствие референции, приписываемой данному термину с точки зрения какого-то другого агента (обычно автора). Как бы там ни было, если высказывание или дискурс с единичным термином оценивается как отношение между как минимум двумя разными агентами, его правильное понимание одним из них зависит от соответствия приписываемой им этому термину референции той, которую ему можно приписать относительно другого агента (неважно — относительно его коммуникативной интенции, обусловившей данное использование данного термина, или относительно результата данного использования термина). И именно такая оценка характерна для восприятия дискурса как сообщения, передающего информацию от одного агента или множества агентов другому (или другим), в частности — как ответа на вопрос.

Но если объяснительная сила исторического дискурса зависит от понятности сообщаемого им объяснения его получателю, а понимание сообщения использующего исторические имена обычно зависит от соответствия референций, приписываемых этим именам с точки зрения получателя, их референциям, приписываемым с точки зрения автора, соответствие референций исторических имен выглядит существенным условием исторического объяснения (23). Кроме того, релевантность объяснения, очевидно, зависит от соответствия референций исторических имен, участвующих в объяснении, теме этого объяснения.

Поскольку тема сообщения определяется или каким-то дискурсом, в который оно встроено, или предшествующим действием — например, вопросом, — или же интерпретатором, соответствие сообщения его теме фактически сводится к соответствию его понимания с точки зрения его агента (например, автора или получателя) его пониманию с точки зрения агента определения его темы (например, спрашивающего или интерпретатора). Эти позиции могут совпадать — например, когда интерпретатором является получатель сообщения, но часто это не так; и даже в этом случае от рационального агента уместно требовать, чтобы он не отождествлял свою позицию как получателя сообщения с позицией его интерпретатора, так как в роли последнего его интересует, что сообщает сообщение, а в роли получателя — как это сообщение отвечает на его вопрос (или, шире, удовлетворяет его потребность в информации).

Если история гражданской войны в республиканском Риме сообщает, что Цезарь перешел Рубикон, это сообщение будет соответствовать теме дискурса, только если описывает событие перехода определенным Цезарем определенного Рубикона, истинно относительно этого события.

Но если речка Рубикон продолжала существовать в средние века и Цезарь Борджия хотя бы раз ее пересек, предложение «Цезарь перешел Рубикон» будет истинно относительно как минимум двух событий, случившихся одно в Древнем Риме, другое — в Средневековье. Необходимо ли для релевантности исторического объяснения, если сообщение его содержит, чтобы соответствие референций участвующих в нем исторических имен теме сообщения было строгим, т.е. связы-

вало объяснение с одним единственным набором индивидуальных сущностей (например, единственным человеком и единственным состоянием конкретной реки)? (24).

Назовем для удобства агентов оценки тематической релевантности объяснения спрашивающим и отвечающим, где позиция первого определяет тему, а позиция второго — сообщение. Если оба используют и понимают фигурирующие в объяснении исторические имена одинаково — конвенционально, — можно предположить, что соответствие референций, приписываемых этим именам относительно этих двух агентов, будет автоматически выполняться, и объяснение в этой части будет релевантным.

Если исходить из презумпции конвенциональной природы появления исторических имен в объяснении, условие зависимости его тематической релевантности от соответствия референций этих имен можно было бы ограничить требованием к объяснению не содержать информацию, которая, будучи принятой вместе с остальным его содержанием, блокировала бы приписывание конвенциональных референций использованным в нем историческим именам. Но использование исторического имени отвечающим может отличаться от его использования спрашивающим незаметным для обоих образом.

3. ОБЪЯСНЕНИЕ И РЕФЕРЕНЦИИ ИМЕН

3.1. Референции собственных имен

Главная семантическая предпосылка функционирования собственных имен и других единичных терминов состоит в том, что такое выражение обладает референцией, т.е. при правильном использовании указывает на единственный объект (референт этого термина) и ни на что больше.

Однако трудно объяснить, как может сохраняться во времени подобное отношение для имен, референтами которых являются объекты, которые их нормальные компетентные пользователи не могут наблюдать, в частности — исторические деятели, события и т.п.

Самая известная теория, объясняющая механизм референции, восходит к Г. Фреге и делает ответственным за наличие у имени референции его смысл, который чаще всего трактуется как ассоциированное с нормальным использованием этого имени дескриптивное содержание [10] (25). Однако если референцию имени определяет ассоциированная с ним дескрипция, то, как настаивают критики этой теории, отношение, связывающее использование имени с единственным референтом, оказывается просто невыполнимым, так как обычные пользователи имени, демонстрирующие способность указывать посредством него на соответствующую индивидуальную сущность, часто не знают и даже не могут знать всех свойств, отвечающих за идентификацию этой сущности: дескрипции, стандартно ассоциируемые с нормальными референциально успешными использованиями имен, просто не могут обеспечивать их референции (26).

Согласно альтернативному подходу собственные имена жестко связаны с определенными индивидуальными сущностями исторически, в силу сложившейся

практики их референциального использования — конкретной последовательности взаимодействий между людьми, восходящей к исторической ситуации, в которой данное выражение было закреплено за своим референтом, тогда доступным для непосредственного наблюдения. При таком понимании собственное имя, исторически связанное с определенным индивидом, обозначает его и только его в любой ситуации, где оно нормальным образом используется (т.е. для указания и в соответствии со сложившейся практикой), независимо от представлений, помогающих понять, на что или кого указывает это имя (27).

С этой точки зрения, если использование имени «Брут» в 10 исторически связывает его с конкретным Брутом, то понять значение появления этого имени в этом высказывании значит связать его с тем же самым индивидом. И если агент не может вывести эту связь из своих представлений о Бруте, которые, как правило (если агентом не является всезнающее существо), недостаточно подробны для этого, его собственное использование данного имени должно быть аналогичным его использованию, реализованному в 10. Из этого следует также, что субъект может нормальным образом использовать имя и ошибаться на счет того, на что это имя указывает. Собственные представления о референте имени можно сравнить с конвенциональными, а вот историю собственного использования исторического имени обычно трудно проследить в прошлое настолько, чтобы удостовериться, что оно нигде не отклонилось от некой генеральной линии или вообще не представляет собой альтернативную ветвь.

Как история использования термина может обеспечить стабильную во времени связь с единственным референтом, существующим на протяжении лишь части этой истории? Можно провести аналогию между использованием имен в естественных языках и использованием меток, предположив, что в определенных ситуациях имя связывают с его референтом подобно тому, как помечают объект. Но тогда что-то в такой ситуации должно делать имя меткой объекта, и что-то в последующей практике использования этого имени должно поддерживать его функционирование в качестве метки именно этого объекта.

Метка может быть встроена в объект и восприниматься как его часть, но имя в лучшем случае может быть частью метки; как ее часть оно может указывать на помеченный объект, но делает это или нет, зависит от значения, закрепленного за этим именем на практике.

В любом случае ни люди, ни события обычно не носят на себе или в себе меток, бирок, идентифицирующих кодов и т.п. Их имена не прикрепляются к ним как метки и не прописываются в них как коды. Да и ни одно действие, посредством которого имена связывают с объектами, не обладает такой силой — даже акт публичного наречения именем.

Если написать имя на объекте, оно необязательно будет указывать на этот объект: так, надпись на заборе не является именем этого забора. Можно дополнить это действие утверждением, что это — имя данного объекта; но последующая практика коммуникации между людьми, даже непосредственно присутствовавшими при этой попытке наречения именем и согласившимися считать данное имя

принадлежащим данному объекту, может как поддержать, так и не поддержать (большей своей частью) эту связь.

Люди, например, не редко обнаруживают, что имя, которым они первоначально согласились называть некий объект, не подходит ему или его по каким-то причинам неудобно использовать в этом качестве. Если в ходе этой практики объект получает другое имя, обычно трудно выделить какую-то определенную совокупность действий, выполнение которых закрепляет имя за объектом.

В лучшем случае исторически создается языковая конвенция, базирующаяся на непосредственном знакомстве каждого ее участника с объектом именованного. Но ее даже трудно считать общим знанием этого объекта, так как знакомство каждого участника с ним состоит в его данности определенным образом, обусловленным когнитивными особенностями субъекта и спецификой его местоположения относительно объекта. То, как объект дан двум разным субъектам во множестве ситуаций, в которых формируется конвенция именованного, может представлять его одинаковым образом, но чаще эти репрезентации различаются.

Также обычные конвенции, связывающие конкретные сущности с какими-то действиями, имеют ограниченное действие: для передачи исходного знания о том, к чему применяются действия (что именуется именем), необходимо, чтобы новые участники конвенции получили доступ к референту, аналогичный тому, который был у первоначальных агентов конвенции (причем, в обстоятельствах формирования этой конвенции). В случае, когда объект больше не существует, это условие невыполнимо.

Кроме того, многим объектам свойственно меняться во времени, как это обычно происходит с людьми и местами: тогда, если объект изменился, а конвенция, связывающая имя с объектом, базируется на знаниях о прошлых состояниях этого объекта, она уже не сможет обеспечивать способность ее участников так же успешно выделять из окружения данный объект в его новом состоянии, как они выделяли его первоначально, даже если состав участников конвенции не изменился.

3.2. Истории и репрезентации

Использование имени «Цезарь» исторически может быть больше связано с изображениями Цезаря и рассказами о нем, чем с самим Цезарем и даже воспоминаниями о нем. Именно изображения и рассказы помогают современным пользователям этого имени понимать, кого они им именуют в обычных ситуациях. Но, даже не принимая историческую концепцию референции собственных имен, мы вряд ли согласимся считать, что «Цезарь» в нормальном использовании указывает не на Цезаря, а на его ментальные или физические репрезентации. Тем не менее, объяснение феномена указания на исторический объект через экспликацию особой роли его репрезентаций проблематично.

Представление, что референции исторических имен сохраняются за счет их связей с репрезентациями их референтов, аналогично идее, что эти референции поддерживаются за счет связей имен с определенными дескрипциями. Вряд ли какое-то изображение объекта может быть настолько подробным, чтобы ни один

другой объект нельзя было соотнести с ним как то, что оно изображает. И на изображениях тоже нет меток, связывающих их исторически со строго определенными объектами; если на изображении есть надпись, указывающая на его связь с единственным объектом, то поскольку появление этой надписи могло быть результатом ошибки, самого ее наличия недостаточно для установления референции к изображенному объекту.

Даже портрет, написанный с натуры, не обязательно отсылает к тому и только тому человеку, которого он изображает. Ведь хотя реальный человек послужил источником изображения (но не причиной его появления, если это не автопортрет), никакое изображение, даже фотография, не является копией изображаемого объекта: его основная функция состоит в отображении некоторых черт, приписываемых изображаемому автором, на некую модель, созданную изобразительными средствами (например, картину). Часть этой модели будет представлять определенного человека в той мере, в какой эта часть похожа на этого человека для тех, кто ее воспринимает как портрет. И представление будет однозначно связывать изображение с данным человеком, только если никто больше настолько же не похож на эту часть модели. Но для установления сходства надо быть либо знакомым с данным человеком, либо знать на основании каких-то свидетельств, что сходство имеет место.

Поскольку портреты исторических лиц не могут быть проверены на предмет сходства с ними иначе, чем путем сопоставления с другими изображениями, вербальные свидетельства о том, что сходство имеет место, остаются основным источником обоснования презумпции подобия. Но эти свидетельства используют исторические имена, референции которых как раз являются предметом обсуждения.

Не исключено, что собственные имена естественных языков просто неправильно связывают отношением индивидулирующей референции каждое с единственным референтом на протяжении всей истории его нормального использования. Если, например, жена зовет мужа «Саша», и никого больше из близких родственников она так не зовет, то, произнесенное ею в обычном контексте, «Саша» может однозначно указывать для всех членов этой семьи и тех, кто хорошо их знает, только на одного человека; и эта связь будет иметь исторические, а не дескриптивные основания.

Можно даже согласиться, что данная референция сохранится при переносе в совершенно иное коммуникативное окружение: например, если никто вокруг этой женщины не знает, кого она именует данным именем. Но как только кто-то, никогда не встречавший мужа этой женщины или не знавший его достаточно хорошо, начнет использовать имя «Саша» для указания на него, он фактически будет стараться указать либо на того, кто лучше всего удовлетворяет тому, что данному субъекту известно о референте данного словоупотребления, либо на того же, на кого указывает данная женщина. Во втором случае исходная референция может быть сохранена, но — только если новому пользователю имени удалось выполнить свое намерение указывать с его помощью в данных обстоятельствах

исключительно на того, на кого оно указывает в соответствующем выделенном контексте.

Однако выполнение подобного намерения практически невозможно удостоверить: слишком мало данных, на основании которых это можно было бы сделать. Предположим, я обнимаю человека, тыкаю в него пальцем и говорю «Петя, друг, помоги. Ты ж мне друг». В этой ситуации я обращаюсь с помощью имени «Петя» к человеку, с которым я непосредственно взаимодействую. Но потом я, приглядевшись, говорю «Э, да ты не Петя».

Если второе высказывание действительно отрицает, что тот, к кому я обращаюсь, есть Петя, то относительно предыдущего высказывания уместно спросить: на кого в нем указывает «Петя» — на данного человека, или на моего друга Петю?

Мне кажется, что на этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Можно с уверенностью сказать, что слово «Петя» было использовано в данном контексте для указания на человека, к которому я обращался; и тот факт, что я ошибся, приняв его за своего друга Петю, не влияет на то, что я говорил о нем. Это косвенно подтверждает и то, что поняв свою ошибку, я использовал выражение «ты» для указания на того, о ком я говорил, а не на Петю (28).

Но какова бы ни была роль появления слова «Петя» в составе лингвистической части обращения (29) к конкретному человеку, из нее не следует, что референтом этого слова в этом контексте является Петя. И также из этого не следует, что его референтом является человек, к которому я обратился, или же — Петя или тот, к кому я обратился.

Мое обычное использование этого имени в сопровождении слова «друг» связывает его с моим другом Петей, тогда как конкретная интеракция и сопровождающий ее дискурс связывает его или с объектом обращения или с дизъюнкцией, состоящей из него и Пети. Оба основания приписывания референции релевантны, и отвергнуть одно из них в пользу другого можно, мне кажется, только в силу какого-то философского предубеждения.

Когда человек, для которого Цезарь — не часть его непосредственного окружения, того, с чем он может быть знаком из собственного опыта, обучается понимать, кто такой Цезарь, и правильно использовать его имя, он может опираться на чье-то еще его использование как на образец для подражания. В этом случае, если он сумел точно воспроизвести это использование, его собственное использование данного имени можно считать заимствованным и приписывать ему активацию той же референции, которая характеризует использование данного выражения, послужившее для субъекта образцом. Но даже если чужое использование выражения в точности воспроизводимо, результат можно с равным основанием охарактеризовать не как такое же точно использование, заимствующее референцию, а как подражание, заимствующее лишь внешнюю форму — языковое поведение, но не значение.

Допустим, я позаимствовал у своих родных использование имени какого-то моего родственника, которого я никогда не встречал: если он появляется в моей жизни и мне говорят, что это — он, я могу дополнить мое знание значения его имени данными о том, что в перцептивном плане представляет собой его референт.

Теперь, обращаясь к нему с помощью этого имени, я указываю не просто на того, на кого указывают или указали бы мои родные, используя это имя, а на данного конкретного индивида. Но если меня обманули, и этот человек — не мой родственник, которого другие мои родные называют данным именем, та легкость, с которой я согласился применять это имя к нему (то, что можно было бы в ином случае назвать сдвигом референции), свидетельствует, мне кажется, о том, что мое прежнее использование этого имени было референциально неопределенным. Мои родные не совершили той же ошибки идентификации, что и я, потому что их использование соответствующего имени не было чистым заимствованием.

Таким образом, даже если использования исторического имени в историях, написанных в разные эпохи, каким-то образом поддержано непрерывной цепью заимствований референции этого имени, восходящей к практике, в которой за ним был закреплен его исторический референт, это не гарантирует сохранение единства референции, так как какие-то заимствования в цепи могли быть чисто подражательными и нет надежного способа это исключить.

Если сказанное верно, строгое совпадение референций, приписываемых использованным в историческом объяснении историческим именам его автором и его получателем, соответственно, и, как следствие, условие полной тематической релевантности такого объяснения не выполнимы. Максимум, что можно требовать в этой части от исторического объяснения — понятности, основанной на нестрогом соответствии референций исторических имен: такой, например, чтобы класс индивидуальных сущностей, удовлетворяющих использованию каждого задействованного исторического имени отвечающим, включал его тематический референт и был максимально узким. Предположительно, это условие выполняется в обычных случаях, когда историческое объяснение просто не содержит и не имплицитно свидетельствует против конвенциональной интерпретации использованных в нем исторических имен. И если также ничто не свидетельствует в обычном смысле о расхождении в понимании темы такого дискурса между спрашивающим и отвечающим (например, что отвечающий, рассказывая об убийстве Цезаря Брутом, говорил о бойцовых собаках с этими кличками, тогда как спрашивающего интересовала история древнего Рима), предлагаемое им объяснение можно считать в общем тематически релевантным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Например, Р. Коллингвуд [1. С. 13—14] ассоциирует с историей задачу самопознания.
- (2) Помимо причинности, рассказы, в которых кто-то находит для себя объяснение чего-то, могут соединять объясняемое и объясняющее множеством других связей, представляющих объясняющее как источник, механизм, мотив, сущность и т.п. объясняемого. Конечно, для каждого типа связи можно поставить вопрос о том, какое отношение его экспликация имеет к объяснению, понятому в некоем строгом смысле.
- (3) См. обсуждение этих вопросов в: [2], [3], [4, гл. X], [5], [6, гл. 7, 8], [7, § 3].
- (4) События или их появления в определенных обстоятельствах (месте и времени), особые события — человеческие действия или деяния народов, обществ или классов, — социальные, политические или экономические изменения, или что-то иное?
- (5) В определенном смысле сказанное описывает разные способы говорить об одном и том же: понятно, что можно говорить о событии (или последовательности событий)

убийства Цезаря или об изменении состояния Цезаря с живого на убитого (или даже Римской республики с состояния до убийства Цезаря на состояние после его убийства). Но это не значит, что разговор о событиях всегда можно переформулировать в терминах изменения состояний и наоборот.

- (6) См.: [2].
- (7) Надо заметить, что даже в этом смысле объяснение отличается от похожих аргументов по достаточно неформальным признакам: например, тем, как связаны посылки аргумента с эмпирическими данными.
- (8) См.: [8].
- (9) Обычно под объяснением понимают совокупность предложений в изъявительном наклонении; но, вероятно, с практическими ожиданиями объяснения совместимы и какие-то иные действия или средства: можно, например, отводить изображениям в лучшем случае роль иллюстраций объяснения? или считать, что при определенном использовании они тоже могут что-то объяснять.
- (10) Здесь имеется в виду предмет разговора: в онтологическом смысле это может быть объект, событие, изменение, положение дел или что-то еще.
- (11) Во втором случае выражение «белый снег» будет обозначать конкретный объект, являющийся белым снегом, тогда как в первом — любой объект, отвечающий описанию «белый снег».
- (12) А именно таком, которое дополняет его невысказанным элементом «он», которому приписывается значение, заимствованное у появления аналогичного термина в предшествующем вопросе.
- (13) Хотя я считаю, что объяснение может быть ответом практически на любой вопрос, но чаще всего так воспринимаются ответы на вопросы: «Почему?», «Зачем?» и «Как(им образом)?».
- (14) По крайней мере, эмоционального. Можно, конечно, предположить, что 5 значит то же самое, что и «Почему ты посмел не принести зарплату?», но все же использование устойчивых форм, вроде «как ты смел?» не предусматривает их заменимость без потери содержания менее устойчивыми выразительными формами в контекстах, где это использование важно для коммуникации.
- (15) Ответ может состоять из отдельного высказывания, а также из рассуждения или рассказа. От адекватного рассуждения обычно требуется быть логически правильным. Для хорошего рассказа логика не главное: он должен обеспечивать единство повествования, а именно все его существенные составляющие должны вносить вклад в раскрытие его темы или тем, и если тем несколько, они должны быть связаны между собой. Многие исторические повествования имеют вид скорее рассказов, чем рассуждений.
- (16) Столь общие понятия, как «устройство» и «жизнь», можно трактовать разными способами, и если ответ использует такие понятия и из него или из контекста не ясно, как их понимать, то уместно приписывать такому ответу самое общее содержание, в данном случае — что есть хотя бы одно устройство жизни, которое обуславливает смертность человека.
- (17) В случае, когда их несколько, можно либо рассматривать дискурс как составленный из частей, каждая из которых имеет единственного автора, либо использовать какой-то принцип отображения того, что каждый хотел выразить, на общее содержание дискурса.
- (18) Фактически это равнозначно выбору в качестве агента наблюдателя, оценивающего дискурс, независимо от его роли в коммуникации, обеспеченной этим дискурсом.
- (19) «Потому что» не обязательно строго указывает на причину, хронологически предшествующую во времени; поскольку есть случаи использования данного выражения для указания на цели (в роли «для того, чтобы»), соответствующее его прочтение доступно, и его не следует игнорировать, если в дискурсе нет специальных указаний на это.
- (20) Это не обязательно затрагивает все содержание дискурса. На вопрос «Почему Маша плачет?» можно получить ответ «Она такая плакса. И краснеет еще все время». Второе

предложение не сообщает ничего, добавляющего информацию к объяснению факта, которым интересуется спрашивающий: если он поймет его неправильно, это не скажется на объяснении, которое он получит. Если он поймет это предложение как говорящее, что Маша плачет в том числе потому, что краснеет, эта ошибка интерпретации скажется на объяснении. Но эта ситуация характеризуется как раз несоответствием между приписываемым и сообщаемым объяснениями.

- (21) См., например, обсуждение принципов приписывания не высказанного явно содержания в: [9].
- (22) Конечно, можно предположить, что в некоторых случаях именно позиция интерпретатора определяет, что сообщает высказывание, и если описанная ситуация соответствует этому случаю, с пониманием в ней будет все в порядке. Но интуитивно данная ситуация не такова.
- (23) Разумеется, это относится и к соответствию референций других единичных терминов, используемых в историях; но, в отличие от последних, исторические имена в составе отдельно взятых исторических повествований трудно трактовать анафорически и, как следствие, их значения определяют значения включающих их повествований.
- (24) Разумеется, рассказ о Цезаре может быть посвящен выяснению того, кем был исторический Цезарь; тогда в нем имя «Цезарь» может использоваться, скорее, как предикат, чем как единичный термин.
- (25) Теорию дескрипций предложил Б. Рассел [11].
- (26) Подробнее об этом и других аргументах против теории дескрипций см. в [12] и [13]. Кроме того, идея, связывающая идентификацию объектов с какими-то существенными свойствами, может быть сама заблуждением.
- (27) См.: [14; 12; 13].
- (28) Я мог бы, например, обратиться к нему и, не зная, как его зовут, назвать его Васей или просто сказать «друг», хотя он не является моим другом.
- (29) Которое, помимо самого высказывания, состояло еще из ряда действий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1980.
- [2] *Гемпель К.Г.* Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. Логика объяснения. М., 1998. С. 16—31.
- [3] *Арон Р.* Историческое объяснение // Философия и общество. 2003. № 4 (33).
- [4] *Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Идея-пресс, 2002.
- [5] *Dray W.* Laws and Explanations in History. Oxford University Press, 1957.
- [6] *Mandelbaum M.* The Problem of Historical Knowledge. N.Y., 1938.
- [7] *Scriven M.* Explanations, predications and laws // H. Feigl and G. Maxwell (eds.). Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Vol. III. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1962.
- [8] *Berlin I.* History and Theory: The Concept of Scientific History // History and Theory. I. 1. 1960.
- [9] *Grice H.P.* Studies in the Way of Words. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1989.
- [10] *Фреге Г.* О смысле и значении // Логика и логическая семантика. М., 2000.
- [11] *Рассел Б.* Об обозначении // Рассел Б. Избранные труды. Сибирское университетское издательство, 2007.
- [12] *Kripke S.A.* Naming and Necessity. Oxford: Blackwell and Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- [13] *Donnellan K.* Proper Names and Identifying Descriptions // Davidson and Harman (eds.). Semantics of Natural Language, Dordrecht, 1972.
- [14] *Geach P.T.* The Perils of Pauline // Logic Matters. Berkeley, CA: University of California Press, 1972.

HISTORICAL EXPLANATION AND HISTORICAL NAMES

A.Z. Chernyak

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The paper is dedicated to one of the aspects of the problem of the explanation in history, i.e. to an analysis of the contribution of references of names of historical persons, places, events etc. into an explanation in history. An important condition of explanation is the relevancy of what explains to what is explained. The latter is determined by the correspondence of an explanation to the question it answers or the issue it is devoted to. Historical explanations usually employ historical names which are like proper names in many ways. As a result, relevancy of historical explanation depends on the coreferentiality of those names with analogous terms used (in relevant ways) in formulations of what is explained. Two most popular theories of references of proper names are considered in the paper — the descriptive and the historical — and the conclusion is made that the complete coreferentiality of the desired type is unavailable in normal cases. Therefore the complete fulfillment of the condition of relevancy is also impossible for normal historical explanations.

Key words: explanation in history, reference, historical name, description, history of the term, pragmatics.

REFERENCES

- [1] Collingwood R.G. *Ideja istorii*. Moscow, 1980.
- [2] Gempel' K.G. Funkcija obshhikh zakonov v istorii // Gempel' K.G. *Logika ob#jasnenija*. Moscow, 1998. P. 16—31.
- [3] Aron R. Istoricheskoe ob#jasnenie // *Filosofija i obshhestvo*. 2003. № 4 (33).
- [4] Danto A. *Analiticheskaja filosofija istorii*. Moscow: Ideja-press, 2002.
- [5] Dray W. *Laws and Explanations in History*. Oxford University Press, 1957.
- [6] Mandelbaum M. *The Problem of Historical Knowledge*. N.Y., 1938
- [7] Scriven M. Explanations, predications and laws. H. Feigl and G. Maxwell (eds.). *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Vol. III. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1962.
- [8] Berlin I. History and Theory: The Concept of Scientific History // *History and Theory*. I. 1. 1960.
- [9] Grice H.P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1989.
- [10] Frege G. O smysle i znachenii // *Logika i logicheskaja semantika*. M., 2000.
- [11] Rassel B. Ob oboznachenii // Rassel B. *Izbrannye trudy*. Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2007.
- [12] Kripke S.A. *Naming and Necessity*. Oxford: Blackwell and Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- [13] Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions // Davidson and Harman (eds.). *Semantics of Natural Language*, Dordrecht, 1972.
- [14] Geach P.T. *The Perils of Pauline* // *Logic Matters*. Berkeley, CA: University of California Press, 1972.